

Доктор Канин выехал из Дементьевска-Тиманского рано утром. Он ехал в город N где-то в Центральной России читать лекции для повышения квалификации тамошних эскулапов. На его лице застыла кислая мина. Ему было скучно.

Оно и понятно. В купе он ехал один, да и вообще в вагоне народу было мало. Канин находился как раз в том социальном статусе, когда СВ руководство еще не оплачивает, а в плацкарт садиться уже как-то не с руки. Никакого чтива, кроме свежего номера «Ведомостей» из автомата на Нижегородском вокзале, он с собой не прихватил, а рубиться в «Героев-3» на ноутбуке ему уже порядком надоело. Да и несолидно это. Что он, студент сопливый, что ли? Кандидат медицинских наук, доцент на своей кафедре, старший научный сотрудник НИИ пульмонологии, а в игрушки играет. Смех, да и только.

Он смотрел в окно, а видел свое отражение. Физиономия вырисовывалась неприятная, любоваться на нее не хотелось. Канин провел рукой по седеющим волосам, которые никак не желали лежать по-человечески, зачем-то дотронулся до высокого, чуть скошенного лба, потом махнул рукой и попробовал было читать газету.

Не тут-то было. Глаза начинало резать, черные на сером буковки сливались в одно большое сюрреалистичное пятно. Настроение у доктора Канина испортилось еще сильнее. Самое страшное для врача — понимать, что он болен. А в том, что сходить к офтальмологу по возвращении в город все-таки придется, у доктора Канина ни малейших сомнений теперь не было. С другой стороны, в очках еще презентабельнее будет выглядеть.

Потом он попробовал почитать им же написанные лекции (там шрифт был покрупнее). Вышло еще хуже, чем с газетой. Тему лекций — респираторный дистресс-синдром — он и так знал на ять, рассказал бы и с закрытыми глазами. А открытые все равно видели плохо.

Вообще, справедливости ради, следовало признать, что жизнь была не так уж и отвратна. Не далее, как месяц назад, Канин очень удачно сменил свою трешку на Волобуева (почти центр, но далековато от метро) на четырехкомнатную на Ясновском Поле, что уже не центр, зато метро прямо под носом. Сбор материала на докторскую шел полным ходом. Ну и так далее, и так далее.

Так он и ехал в одиночестве до самого Глазова, почти до вечера. Сходил в вагон-ресторан, с важным видом постоял у окна в коридоре, почитал с горем пополам газету. Пробовал поспать, но заснуть так и не смог.

Наконец он не выдержал: расстегнул сумку и достал оттуда бутылку сливового вина, подаренную наемни одним пациентом. Тот знал, что доктор любит такое вино, и где-то раздобыл его любимый сорт, надо сказать, довольно дорогой. Канин подумывал оставить вино дома в серванте, но не совладал с собой и в последний момент засунул в сумку.

Поезд уже отъехал от перрона глазовского вокзала, когда доктор Канин, налив вина в маленькую стопку, чокнулся со своим отражением в начинающем чернеть окне и чуть-чуть пригубил. Вино шикарное. Словами вкус было не передать.

В этот самый момент дверь купе открылась и вошел человек. Более от скуки, чем от интереса, Канин внимательно рассмотрел его. На вид вошедшему было примерно столько же, сколько самому доктору: сорок пять — пятьдесят. У него было очень своеобразное, запоминающееся лицо — сухое, серое, покрытое редкими, но глубокими и длинными морщинами, стянутое в какой-то странной, задумчиво-суровой гримасе. Глаза этого человека отдавали едкой, неприятной желтизной, к тому же постоянно подергивались, будто их обладатель все пытался зацепить что-то взглядом и не мог. На человеке этом был недешевый, но сильно измятый серо-бежевый плащ, не застегнутый ни на одну пуговицу, черная сумка на плече, а в правой руке — какая-то книга. Эту книгу крепко сжимали пальцы — длинные, сухие, костлявые пальцы с потресканными, совершенно неухоженными ногтями и страшными кровавыми заусенцами, а один из них явно гноился.

Впечатление оставалось неприятное. Будь дело веке в девятнадцатом, про такого человека сказали бы «желчный субъект». Но на дворе, слава Богу, был двадцать первый, так что награждать соседа по купе таким эпитетом показалось доктору до смешного высокопарно. Для приличия, конечно, следовало поздороваться, что Канин и намеревался сделать, но вошедший опередил его.

— Здравствуйте, — почти неразличимо сказал он не то доктору, не то куда-то в сторону, а затем посмотрел на него и улыбнулся — сдержанно, одним намеком, но как-то очень приветливо, так, что первое впечатление развеялось как-то само собой.

— Здравствуйте, — кивнул Канин и, смущенно отставив стопку, посмотрел в окно. Вошедший же, между тем, сел напротив него и, не положив в рундук сумку и даже не снимая плаща, открыл книгу, принявшись сосредоточенно вглядываться в убористый текст. Затем достал откуда-то огрызок карандаша и начал им что-то подчеркивать. Надо полагать, со зрением у него тоже было неважно, так низко он нагнулся над столом.

Здесь доктор Канин почувствовал себя неловко. Заниматься какими-то своими делами в присутствии этого человека ему казалось неудобно и почему-то невежливо, и поэтому он просто смотрел в окно. Так прошло полчаса, может, три четверти часа, доктор времени не засекал. Наконец сосед отложил книгу в сторону и поднял глаза.

— Скажите, вы куда едете? — раздался его тихий, необычайно спокойный и умиротворенный голос.

— В N., — ответил Канин, ожидая, что последует за этим вопросом.

— Правда? — с воодушевлением спросил человек.

— Да.

— Вы тоже... в монастырь?

— Нет, я по работе. А в какой монастырь?

— Z-ский мужской монастырь. Древняя, святая обитель, — и он улыбнулся снова, и снова едва заметно, но очень тепло и мягко.

— Я даже и не знал, что там есть монастырь...

Доктор Канин на этот раз внимательнее всмотрелся в его лицо и не смог понять, отчего эта улыбка так к себе располагает. Ведь это даже улыбкой назвать было сложно — на лице его попутчика почти не было мимики. К тому же выражение задумчивости, сосредоточенности не исчезало.

Доктор Канин смотрел так, наверное, с полминуты, не отводя глаз. Куда же смотрел незнакомец, сказать было сложно — его взгляд так и не зацепился ни за один предмет в купе, так, как будто бы для этого человека все они были одинаковые.

Наконец, нарушив повисшее молчание, он произнес:

— Наверное, вы никогда не бывали в этом городе раньше. Все знают об этой обители, все едут туда. И я тоже... надеюсь успеть к Страстной пятнице.

Ах да, вспомнилось Канину, скоро же Пасха. А нынче четверг, Чистый четверг, стало быть.

Тут выяснилось, что сказать им друг другу больше нечего. В воздухе повисло ощущение неловкости, которое хотелось как можно быстрее преодолеть.

Вежливо кивнув, Канин снова отвернулся к окну, но боковым зрением поглядывал на лицо попутчика. Оно стало напряженным, черты заострились, как будто человек подавлял мучившую его сильную боль. Но улыбка с его губ никуда не исчезла и даже не выглядела наигранной и фальшивой — человек действительно улыбался. Напряженность выражения усиливалась, напряжение передалось на шею и плечи, отчего он ссутулился, а левая рука сжалась в кулак.

Наконец в какой-то момент он вздохнул, тяжело и раздосадованно, вынул из правого кармана белый флакончик с какими-то таблетками (Канин не успел рассмотреть, какими именно), вытряхнул себе в ладонь три или четыре и проглотил не запивая. Затем он откинулся на стенку, закрыл глаза и несколько минут неподвижно так сидел, еле заметно дыша и ничего не говоря.

Канин, разумеется, понимал, что здесь что-то не так, но долго не мог преодолеть неловкость, пока все же не спросил — негромко и с какой-то опаской в голосе:

— Вам плохо? Я врач, я могу помочь...

Человек не сразу ответил. Даже глаза открыл не сразу, а едва ли не через минуту.

— Господь с вами, все нормально, все хорошо...

— Да нет, я же вижу, вам больно... Скажите, что...

— Язва желудка. Ничего, поболит, пройдет. Оно в пост всегда сильнее болит, но это ничего, это пост.

— Вы что, всерьез думаете, — спросил, нахмурившись, Канин, — это мелочь?

— Все послано Господом как испытание.

— Знаете, верить — это одно, а так... Скажите, вы когда ели в последний раз?

И что ели?

— Как же, утром, картошку вареную, без масла, как положено.

— А когда в следующий раз есть будете?

— В Великую Субботу, утром уже можно будет.

— Я думаю, вам не стоит так делать. Здоровье нужно беречь. От него в нашем с вами возрасте уже и так немного остается, надо к нему трепетнее относиться.

— Скажите, как вас зовут?

— Евгений Викторович.

— Так вот, Евгений Викторович, вы поймите — в этом весь смысл поста, это испытание и изнурение для души и тела, это доказательство веры человека.

— Испытание — не испытание, но вот с язвенной болезнью желудка шутки очень плохи, это я вам как врач говорю.

— Это не шутки. Это попытка смирения, — при этих словах попутчик посмотрел куда-то вверх и после некоторой паузы продолжил: — Христос принял смерть за грехи человеческие, и мы воодушевляемся примером Его. И, значит, в

каждом из нас должна быть готовность страдать, и, быть может, не только за себя. Это и есть то, что называется смирением, самая, наверное, большая добродетель.

— Нет, я не понимаю. Зачем заставлять себя терпеть, если этого вполне можно избежать, вовсе не причиняя никому вреда или неудобства? По-моему, извините, это мазохизм...

Человек лишь пожал плечами и ничего на это не сказал, лишь снова взял в руки книгу и продолжил ее изучение.

К этому времени за окном уже совсем стемнело, и доктор Канин решил ложиться спать — не то, чтобы завтра ему было рано вставать, но делать все равно было нечего. К тому же ему было стыдно за свою последнюю фразу, она показалась ему звучащей обидно. Но еще более неудобным ему показалось за нее извиняться.

Раздевшись и укрывшись одеялом, Канин уже сквозь сон видел, как его попутчик по-прежнему сидит за столом в одной позе, с карандашом в руке.

Нельзя сказать, что постель в вагоне — самая мягкая, чистая или теплая на свете, но в ту ночь доктор отлично выспался. Он проснулся очень поздно, почти в одиннадцать утра, когда проводница зашла в купе предупредить пассажиров, что через сорок минут — город N. и что белье пора сдавать.

Канинский попутчик в это время тоже спал — так и не снимая плаща, прислонившись к окну. Перед ним лежала раскрытая книга, по столу с неприятным шорохом перекатывался огрызок карандаша.

Он крепко спал. Голоса проводницы он не услышал, и поэтому Канин, дождавшись, когда та уйдет, встал с постели, оделся и, наклонившись к своему спутнику, произнес:

— Просыпайтесь. Через сорок минут прибываем.

Но он не просыпался. Тогда Канин легонько тронул его за плечо, и это возымело действие — человек дернулся всем телом, еще сильнее вжался в угол и только потом открыл глаза, а когда понял, в чем дело, растерянно произнес:

— Извините меня, я, кажется, уснул. Слава Богу, что вы меня разбудили, спасибо.

— Не за что. Это вы меня извините, что так бесцеремонно.

— Нет-нет, ничего...

Он смотрел на доктора, бесцельно моргая, будто пытался сфокусировать взгляд. Вероятно, вновь подумалось Канину, у его попутчика тоже были проблемы со зрением.

Все-таки он был странный, этот человек — вроде бы первое впечатление от него осталось пренеприятное — но стоило ему заговорить, и оно тут же поменялось, а ведь это так редко бывает! И какая-то сверхъестественная теплота исходила от его, в общем-то, самых обычных слов и от его улыбки, такая теплота, от которой хотелось жить.

Перрон вокзала в городе N. всегда был многолюднее, чем сам город — здесь была большая станция, часто и надолго останавливались поезда. На платформах шла бойкая, никем и ничем не искоренимая торговля с рук всем, чем только можно — от пирожков и беляшей с неизвестной начинкой до нехитрой радиоэлектроники и мужских журналов за прошлый месяц.

Сойдя с поезда, Канин тут же затерялся в шумной вокзальной толпе, которая перенесла его через путь, высокую платформу, внесла в здание вокзала, вынесла из него и рассеялась, оставив одного на привокзальной площади.

Там было малоллюдно, не то что у поездов. На большой площади, где проезжая часть была покрыта потрескавшимся асфальтом, а тротуары — битыми плитами, почти никого не было. Правда, у другого конца здания вокзала, где располагалась

автостанция, стояли в ожидании пассажиров несколько пригородных «Газелей» и было заметно некоторое оживление, но в остальном было пустынно и тихо.

В этот самый момент из вокзала вышел еще один человек, в котором Канин без труда узнал своего попутчика. Подойдя к доктору, он улыбнулся и спросил:

— Вы не знаете, как уехать?

— Если честно, нет, — признался доктор Канин, который, надо сказать, и не задумывался об этом вовсе, рассчитывая взять такси, которое куда нужно увезет.

— А куда вам нужно?

— В больницу, для начала.

— Ааа, садитесь вот прямо здесь на третий автобус и езжайте до конечной. Прямо к больнице приедете. А можете на такси, если хотите. Только здесь вы такси не поймаете, пройдите во-о-о-о-он туда, метров сто, они все там стоят.

— Хорошо, спасибо большое.

— Не за что. А вы все-таки приходите сегодня в монастырь на службу, и завтра приходите... Приходите.

— Ладно, я попробую. Если у меня получится, я приду.

— Что ж, всего доброго.

— До свидания.

Сказав это, человек наискосок пересек площадь и скрылся в каком-то из дворов.

Канин, никуда не торопясь, по-прежнему стоял на остановке, выбрав место посуше, и шурился от теплого весеннего солнца. Можно было насладиться тишиной, свежим воздухом, хорошей погодой и ярким солнечным светом. На долю доктора все эти удовольствия редко выпадали. В его кабинете было душно и жарко, в операционных института — еще душнее и еще жарче, а при включенных кондиционерах — нестерпимо холодно. А дома? А дома бывало по-разному, но почему-то всегда темновато.

Здесь Канину показалось, что в большом городе, откуда он приехал, вообще было существенно темнее — может быть, потому, что дома там выше, может быть потому, что сам город — севернее... да какая разница? Он постоял так еще некоторое время и тоже пошел наискосок через площадь, только в другую сторону — туда, где, как указал ему попутчик, стояли такси.

Носатый седой армянин, водитель неопределенного цвета «семерки», мирно почивал на разложенном кресле, и на голос Канина никак не реагировал, поэтому доктору пришлось поступить невежливо — он просунул руку в опущенное с водительской стороны окно и легонько постучал по пыльному пластику приборной доски. Это мгновенно подействовало.

Задав дежурный вопрос «Куда?» и услышав ответ, армянин назвал дежурную цену — «пятьдэсят». Будь в городе сто тысяч населения, он попросил бы семьдесят, а если полмиллиона — сто семьдесят. Доктор Канин отлично это знал, поэтому, прикинув в уме примерное население города, вытащил полтинник из кошелька еще на подходе.

Ехать по городу — одно удовольствие: на улицах не было ни светофоров, ни разметки, ни, собственно, потока, изредка попадавшиеся одиночные машины мгновенно терялись из виду. В приоткрытое окно врвался свежий ветер, однообразные и в то же время совсем не надоедающие пейзажи небольшого города проносились мимо, и даже многочисленные выбоины на асфальте почти не ощущались. Таксист ехал быстро и соблюдением правил себя особенно не утруждал (в чем, впрочем, и не было особой необходимости), так что доехали они минут за десять, если не быстрее.

Собственно, занятие было намечено на час пополудни, так что, бросив вещи в гостиничном номере, скромном, но чистом, доктор Канин, которому порядком

надоело как сидеть, так и лежать, стал думать о том, чем же здесь можно заняться. Вопрос был отнюдь не праздный, так как обратный поезд был только в субботу утром, и нужно было как-то спланировать время.

Занятый этими мыслями, он зачем-то вышел на улицу и куда-то пошел — неизвестно, куда. Не то, чтобы он очень сильно хотел прогуляться — просто ноги сами вынесли его, и он не стал этому противиться. Сами собой перед его глазами возникли наполовину обшитый сайдингом универмаг с окнами, местами заложенными шлакоблоками, за ним — еще один торговый центр, который когда-то явно был кинотеатром, а за его углом обнаружился небольшой и нешумный, но колоритный и очень ароматный рынок, мимо которого Канин просто не мог пройти.

Он вспомнил, как в детстве бегал на точно такой же базарчик (в те времена такие еще были в Дементьевске-Тиманском), покупал там малосольные огурцы, редис, квашеную капусту, зелень, причем покупал всегда больше, чем было нужно — многое съедалось уже по дороге... Доктору Канину вдруг почудилось, что вот здесь, сейчас, он встретит ровно то же самое, такие же огурцы, такую же квашеную капусту, и он был почти уверен, что, как найдет, — непременно купит...

Однако ни огурцов, ни квашеной капусты на рынке не нашлось. Там нашлись прошлогодние мандарины, яблоки и хурма, сложенные в аккуратные пирамидки, да еще очень много крупной, неестественно чистой картошки в фирменных красных сеточках.

Доктор Канин даже не сразу понял, что в апреле свежих овощей быть по определению не может.

Отойдя куда-то в сторону от торговых рядов, Канин присел на чистую от снега скамейку. Ему вдруг очень захотелось курить, хотя он бросил еще лет пятнадцать назад.

Никак не выходил из головы безымянный попутчик. Канин вообще редко обращал внимание на дорожные знакомства, и любого другого забыл бы через пять минут, но этого... Какая стойкость, думалось ему, ведь, как он вспомнил услышанное где-то, большие освобождаются от поста. А еще этому человеку должно быть больно, очень, очень больно. Канин, конечно, не был гастроэнтерологом, но ощущения представил себе довольно живо.

А кругом все спуют, все бегают, все чем-то заняты, и кому какое дело, что нынче Страстная пятница! Все об этом забыли... И тут же в голову пришла крамольная мысль: а может быть, и правильно сделали?

Доктор Канин никогда не считал себя не то что религиозным, но и просто верующим человеком, и потому не смог себе объяснить, откуда у него возникло желание все же съездить сегодня вечером в этот монастырь. Но сделать это он решил твердо — в том числе и потому, что заняться все равно было нечем. Не пить же с местными коллегами. Тем более, что доктор Канин с кем попало не пил.

2

Занятие по повышению квалификации получилось неприлично скучным. По ходу лекции доктор Канин все пытался, но так и не смог понять, кого сильнее клонит в сон: слушателей или же его самого.

В монастырь он сначала хотел было отправиться пешком, но, когда спросил у местных, куда нужно идти, и услышал от них, что монастырь находится в добром десятке километров от города, решил все же взять такси.

...Машина притормозила метрах в ста от монастырских ворот: ближе таксист подъезжать не рискнул из-за собравшейся под стенами большой толпы. Распо-

ложенная справа от ворот стоянка была до отказа забита автомобилями, рядом с выездным шлагбаумом стояли несколько паломнических автобусов.

Лишь только доктор Канин ступил на землю, толпа, как за несколько часов до того на вокзале, подхватила его и понесла по направлению течения.

Только оказавшись по другую сторону стен, за воротами, Канин смог выбиться из общей толчеи и, встав на бордюр, немного осмотрелся по сторонам. В огромном комплексе монастырских зданий церквей было, по меньшей мере, восемь, но действовали, по-видимому, только три, так как народ стекался туда.

Канин точно не знал, в какую из них следует идти, поэтому пошел в ту, которая оказалась ближе всего — не очень большую, но, как и все здания в духе классицизма, не лишенную некоторой излишней массивности. За тяжелыми дубовыми дверьми, в притворе, и далее, в западной части придела, людей было сравнительно немного — отдельные разрозненные группы, но дальше спины смыкались сплошной стеной.

...Доктор Канин стоял у западной стены, не пытаясь прорваться через толпу. Нет, он не молился, и не думал о страстях Христовых, и вообще, наверное, в тот момент ни о чем не думал. Больше в воображении, чем на языке, он перекатывал подхваченное им где-то в притворе словосочетание — не то, чтобы совсем незнакомое, но определенно новое: «Великая вечерня». Вот как эта служба, стало быть, называлась.

...Священник пел тягучим, тяжелым голосом, гулкое эхо отражалось от сводов и волна за волной откатывалась от алтарной части к притвору. От этого голоса Канину делалось как-то не по себе, внутри что-то начинало вибрировать и дрожать. Голос проносился над окружавшей людей тишиной, не трогая самой этой тишины — вязкой и плотной... Канину было слышно, как где-то слева от него кто-то чихнул... Было слышно, как еще левее, у самого окна, какая-то женщина резко и зло цыкнула на невовремя заплакавшего ребенка... Как сзади кто-то шуршит пакетом...

Канин осматривался по сторонам, пытался взглянуть в лица рядом стоящих... На службу собрались люди самые разные — старые и молодые, мужчины и женщины, одетые богато и попроще. Но если во всех этих людях и было что-то общее, то это, несомненно, выражения их лиц — суровые, нарочито хмурые, даже мрачные, с поджатыми уголками ртов и взглядами, направленными в одну точку, перед собой. Глядя на эти лица, доктор Канин вдруг понял, что же на самом деле означает выражение «постная мина». Ни за одно из них глаз не цеплялся, взгляд хотелось тотчас же отвести.

Поэтому Канин в какой-то момент стал все больше смотреть вниз, на пол, поэтому не сразу заметил почти прямо перед собой знакомый серо-бежевый плащ. Они с попутчиком и здесь умудрились не разминуться!

Первой мыслью было подойти и поздороваться, но, сразу поняв, что это будет, по крайней мере, невежливо, он остановился, застыл в полуготовности сделать шаг, с подогнутой в колене правой ногой и головой, наклоненной вперед. Сразу вслед за тем он почувствовал желание взглянуть этому человеку в лицо, увидеть, что стало с ним, как оно здесь преобразилось. И тогда доктор, осторожно, по миллиметру, ступая, через минуту или две сумел вклиниться во впереди стоящий ряд и повернул голову влево.

Человек этот, как и все вокруг, смотрел куда-то в одну точку, но не на впереди стоящих, а как будто бы поверх их голов и плеч, на иконостас, или, быть может, сквозь него. Но совершенно другим, отличным от всех прочих, было его лицо — на нем запечатлелись одновременно и скорбь, и недоумение, и скрытый, но неподдельный ужас, как будто бы человек оказался в совершенно неестественной для

него ситуации. Было видно, что он очень внимательно смотрел и слушал — глаза его были широко раскрыты, мимические мышцы предельно напряжены. И потому это лицо казалось по-настоящему живым; Канин подумал, что, будь у него зрение получше, он бы непременно разглядел, как на лбу и на щеках его попутчика собираются и тут же разглаживаются крошечные морщины.

Все это показалось доктору странным, ведь уж у этого-то человека опыт стояния на службах должен быть огромным! Но подойти и спросить он, конечно, не мог, да и незачем было.

Хотя Канин не обращал ничье внимание на свое присутствие, человек все же разглядел его боковым зрением и, на секунду отвлекшись, повернулся и кивнул ему, не улыбаясь впрочем. Доктор, также не улыбаясь, кивнул ему в ответ и тут же сильно зажмурился, так как вдруг ощутил нестерпимую резь в глазах.

...Он стоял, разминая глаза пальцами; был вынос Евангелия, и на какое-то время стало тихо.

Как следует проморгавшись, он снова взглянул на своего попутчика, но — снова зазвучало, и доктор Канин волей-неволей стал прислушиваться.

...святого блаженного, Иисусе Христе: пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поем Отца, Сына, и Святого Духа, Бога. Достоин еси...

Человек по-прежнему стоял на своем месте, и все так же внимательно смотрел и слушал, но выражение ужаса с его лица на мгновение исчезло, втянутые щеки расслабились, чуть сощурились глаза. И тут же лицо напряглось снова...

И говорил Господь с Моисеем лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим; и он возвращался в стан; а служитель его Иисус, сын Навин, юноша, не отлучался от скинии.

Моисей сказал Господу: вот, Ты говоришь мне: веди народ сей, а не открыл мне...

Человек вдруг зажмурился, видно, от резкой боли, а открыв глаза, шумно вдохнул и начал судорожно сглатывать, будто подавляя подступающий к горлу ком.

...кого пошлешь со мною, хотя Ты сказал: «Я знаю тебя по имени, и ты приобрел благоволение в очах Моих»;

итак, если я приобрел благоволение в очах Твоих, то молю: открой мне путь Твой, дабы я познал Тебя, чтобы приобрести благоволение в очах Твоих; и помысли, что сии люди Твой народ.

[Господь] сказал: Сам Я пойду, и введу тебя в покой.

[Моисей] сказал Ему: если не пойдешь Ты Сам [с нами], то и не выводи нас отсюда, ибо по чему узнать, что я и народ Твой обрели благоволение в очах Твоих? не по тому ли, когда Ты пойдешь с нами? тогда я и народ Твой будем славнее всякого народа на земле...

Человек продолжал стоять, не двигаясь, но Канину было видно, как он стискивает зубы, как по морщинистому лицу начинают ходить желваки, как взгляд начинает метаться по церкви, из угла в угол. Но на этом лице не появилось ни тени озлобленности, человек стоял и продолжал внимательно слушать.

И сказал Господь Моисею: и то, о чем ты говорил, Я сделаю, потому что ты приобрел благоволение в очах Моих, и Я знаю тебя по имени.

Человек лихорадочно запустил правую руку в карман плаща, пытаясь что-то там найти, но нужного предмета, видимо, не нашлось. «Он все-таки доигрался со своей язвой, — подумал доктор Канин. — Ах, я же его предупреждал... Надо его отсюда вывести, и в больницу его, срочно в больницу...»

[Моисей] сказал: покажи мне славу Твою.

И сказал [Господь]: Я проведу пред тобою всю славу Мою и провозглашу имя Иеговы пред тобою, и кого помиловать — помилую, кого пожалею — пожалею.

И потом сказал Он: лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых.

И сказал Господь: вот место у Меня, стань на этой скале;

когда же будет проходить слава Моя, Я поставлю тебя в расщелине скалы и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду;

и когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лице Мое не будет видимо.

...Но было уже поздно. Лишь только Канин, потеснив стоявшего слева от него, двинулся туда, где стоял его попутчик, он увидел, как тот резко, всем телом, дернулся, обеими руками оттолкнул стоящих впереди женщин, и его вытошнило черной, зловонной массой. В первую секунду повисла гробовая тишина, человек стоял, наклонившись, упершись руками в колени и тяжело дышал, и в этот момент его вытошнило снова.

«Рвота цвета кофейной гущи... — вспоминал Канин цикл гастроэнтерологии. — Это желудочное кровотечение. И, похоже, очень сильное. Ну все, труба...»

И благословил Бог последние дни Иова более, нежели прежние: у него было четырнадцать тысяч мелкого скота, шесть тысяч верблюдов, тысяча пар волов и тысяча ослиц...

— Помилуй, Господи! — закричала какая-то женщина. — Нечистый! Здесь нечистый!..

...Доктор Канин плохо помнил, что началось потом. Поднятая кликушей волна паники в мгновение разлилась по всей церкви. Поднялся страшный шум: визжали женщины, плакали дети... Все разом рванули к выходу; в притворе началась сильная давка.

Доктор Канин попытался прорваться к своему попутчику, но в начавшейся панике это было непросто.

— Дорогу! Пропустите, пропустите, я врач!! — он кричал что было силы, но его никто не слушал и в общем шуме не слышал.

...Как бы они его не растоптали. Осмотреть, осмотреть, как бы там перфорации не было. Проперкутировать, сохранена ли печеночная тупость, посмотреть на симптом Щеткина-Блумберга... Только бы он был не в коме...

— Вызовите скорую, кто-нибудь!!! Он же умрет!!! Ну, пропустите же! Пропустите!

Жалкие три-четыре метра до цели Канин прошел почти за минуту. Человек, вокруг которого разом образовалось пустое пространство, лежал на полу, на спине, свесив голову вправо, и почти не шевелился, его по-прежнему безостановочно рвало. Канин не мог определить, был ли человек в сознании или же нет.

Он еще продирался сквозь толпу, как его окликнул какой-то монах, который до того стоял, склоняясь над лежащим, и что-то бормотал:

— Вы — врач? Что нужно сделать?

— Переверните, переверните его, положите на бок и рот ему пошире откройте, а то он рвотными массами захлебнется.

Монах мгновенно все исполнил.

— Так, я его сейчас осмотрую...

— Еще что-то? — спросил монах подоспевшего Канина и после секундной паузы добавил: — Обезболивающее какое-нибудь?

— Нет, ни в коем случае... При остром животе — ни в коем случае обезболивающее не давать, вся клиническая картина смажется... У вас лед есть? Принесите лед!..

Монах уже развернулся, как Канин окликнул его:

— Скорую вызвали?

— Не знаю, должны были уже.

— Немедленно скорую, немедленно, тут такое сильное кровотечение...

— Хорошо, хорошо...

Толпа к тому моменту почти полностью рассеялась; только лишь бабушки-лампадки сбились в кучу где-то в уголке, да несколько человек стояли далеко впереди них, у клироса.

Служба, конечно, не прервалась. И не могла она прерваться: ибо служилась она не для собравшихся.

Вот, раб Мой будет благоуспешен, возвысится, и вознесется, и возвеличится.

Как многие изумлялись, [смотря] на Тебя, — столько был обезображен паче всякого человека лик Его, и вид Его — паче сынов человеческих!

Так многие народы приведет Он в изумление; цари закроют пред Ним уста свои, ибо они увидят то, о чем не было говорено им, и узнают то, чего не слыхали.

Доктор Канин, как до того монах, склонился над лежащим, присел на корточки. Расстегнул рубашку, проперкутировал правое подреберье.

...Живот напряжен, звук тимпанический... значит, там газ, похоже все-таки перфорация. Плохо дело.

— Эх, говорил же я тебе, не шути ты с язвой...

— Все в порядке, — вдруг ответил слабым голосом лежащий, пытаясь подняться на локте. — Аааа... Не надо было столько шума.

— Да вы что, — Канин начал пальпировать эпигастральную область, справа, — в самом-то деле, хватит бравады. Вера верой, а так нельзя. Сами себя довели. Сейчас уж просто лежите, на спину не переворачивайтесь, скорая едет. Вот так больнее?

— Да, больно...

— А вот так?

— Так... меньше...

— А здесь? И, правда, не нужно бравады, я знаю, я знаю, что больно...

— Нет, не бравады... Больно?... Больно... Умирать, со Христом в сердце умирать не страшно... Ааа... Не бойтесь. А шум... паника, страшно, что паника... Только бы там... ааа... никто не покалечился.

— Ну, вы умирать-то не торопитесь. Я думаю, все нормально будет, — доктор Канин резко отдернул пальцы; лежащий дернулся следом. Симптом Щеткина-Блюмберга положительный. Совсем плохо. Можно было бы, конечно, проверить у него еще несколько симптомов, но доктор Канин решил, что лучше его лишний раз не шевелить — как бы хуже не стало. Да и потом, без препаратов сделать он ничего не мог, а коагулянты в здешней аптечке вряд ли водились. Доктор Канин

попытался улыбнуться, но строить из себя оптимиста у него получалось не ахти как. Он-то знал, он-то все знал.

— И вы не бойтесь, что так обо мне закричали, не бойтесь. Это не важно все...

Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его.

Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, [что] Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом.

Доктор Канин думал, что к ним кто-нибудь подойдет. На них двоих и вправду все смотрели, но никто не подходил. Никто. Человек хотел еще что-то сказать, но застонал, закашлялся, опять лег на бок, и его тяжелое, с хрипом дыхание эхом отражалось от свода и стен.

Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего [было] на Нем, и ранами Его мы исцелились.

Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас.

Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих.

Доктор Канин так до конца и не понял, зачем спросил:

— Вы и вправду не боитесь умирать? Даже неисповеданным?

Человек снова приподнялся на левом локте, внимательно посмотрел на Канина и улыбнулся, но уже не сдерживаясь, широко и ясно:

— Боюсь. Очень боюсь...

Он снова закашлялся, и в этот момент сознание оставило его окончательно.

Прибежал монах и принес пузырь со льдом. Доктор Канин приложил лед к эпигастральной области и, как мог, примотал. Трудно было сказать, дало бы это осязаемый эффект или нет, но доктор Канин старался — свой долг он привык исполнять до конца.

С улицы донесся звук заглушаемого двигателя, и по темному притвору запрыгали синие отблески проблесковых маячков.

Реанимационная бригада действовала быстро, слаженно, почти без слов. Канин сказал о результатах осмотра, его выслушали, но не очень внимательно. Человека осмотрели снова, положили на каталку, как было, на бок и тотчас же повезли к выходу; Канин следовал за ними.

На улице, когда уже захлопывались двери машины, ему вдруг пришла в голову мысль, что, может быть, стоит поехать с ним, но тут же ей ответила другая, не менее резонная, что в реанимобиль его никто не пустит, и он оставил свою затею.

На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством; чрез познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их на Себе понесет. Посему Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу, за то, что предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтен был, тогда как Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем.

Доктор Канин стоял на крыльце, теребя в кармане завалившиеся там ключи от квартиры и глядя куда-то вдаль. С запада, от начинающего заходить солнца, ветер

гнал причудливой формы перистые облака, которые проплывали прямо над головой и скрывались за острием колокольни. Ветер шевелил верхушки берез по ту сторону аллеи, потрепывал волосы на головах прохожих, шуршал пакетами в их руках.

Доктор Канин так и не мог понять, что же это такое. Что такое должно быть внутри тебя, чтобы ты мог терпеть ТАКУЮ боль. А тот ведь терпел... терпел. Станный человек. В сущности, Канина с ним ничто не связывало, но он понимал, что, пожалуй, ни к кому из своих пациентов он не испытывал такого сочувствия, как к этому человеку.

Доктор Канин, конечно, знал, что это такое, когда умирает твой пациент. У него, как у всякого врача, было свое личное кладбище. Но он, в общем, никогда не казнил себя из-за этого. Да и здесь не казнил, но досадно было до слез. Ему, Канину, будет очень горько, если этого человека не спасут. Что-то светлое было в нем, что-то, что не хотелось отпускать из мира.

Канин боковым зрением уловил, как сзади к нему подошел давешний монах.

— Что теперь? — спросил он у доктора.

— Теперь — экстренная госпитализация, наблюдение и, думаю, операция. Резекция желудка, вероятно, хотя я не хирург, я точнее не скажу, там могут быть варианты.

— Это он вас сюда позвал, так ведь? — монах внимательно, испытующе посмотрел на Канина, и тому, неизвестно отчего, стало немного стыдно.

— Да, это он. Я, знаете, к стыду своему, не так часто в церкви бываю.

— Это личное дело каждого. А вы с ним знакомы?

— Нет, в общем-то. В поезде ехали, в одном купе... А вы?

— Я? Нет, конечно. Сюда ведь много паломников приезжает каждый год. Хотя он часто бывает, я его запомнил. Но по имени, разумеется, не знаю.

— Глупо как-то все это получилось, глупо. Ведь вдруг такая паника...

— Всякое бывает, и это тоже бывает.

— Да, я понимаю, народ экзальтированный...

— Никого не надо осуждать. Случилось то, что случилось. В этом как раз и есть смысл того, что здесь произошло.

— Вы о чем?

— Я вот о чем. Как вы думаете, в чем смысл чтения Книги Исход на Великой вечерне, когда, казалось бы, речь идет о новозаветных событиях?

— Не знаю, — честно ответил Канин.

— А смысл в том, чтобы напомнить в том числе и о том, что человек может не понимать и заблуждаться, это свойственно ему. Это что-то вроде наглядного примера: в ветхозаветные времена даже Моисею было невозможно узреть лицо Господа. А когда Христос явился в этот мир, Его лицо могли видеть все. И все же люди не поняли этого и осудили Его на крестную смерть...

— Я, — растерянно, и совсем не к месту, сказал доктор Канин, — я, что мог, сделал. Я, может, для церкви человек пропащий, но как врач, что мог, сделал.

— Для Господа никто не пропащий. Скажите, вы за него переживаете?

— Да. Не понимаю, зачем он так?.. Не ехал бы сюда, не изводил бы себя постом, он же язвенник, ему строжайшая диета нужна...

— Каждый сам выбирает себе путь. Страдание — это тоже выбор. Не нам с вами его осуждать. Не казните себя. Не надо.

...Двое послушников нараспашку открыли ворота, и на подворье въехал огромный Dodge Interpid неопределенного цвета. Стоявшие чуть поодаль трое полицейских поспешили к машине и, когда дверь с водительской стороны открылась, вытянулись по стойке «смирно», разве что под козырек не взяли.

Из автомобиля вышел парень лет двадцати трех, одетый в дорожную, но безвкусную черную куртку с воротником из искусственного меха, с огромным портфелем на ремне. Не обращая на стражей порядка ни малейшего внимания, он закрыл машину и поднялся на крыльцо, поприветствовав стоявших там легким, но изыщным кивком головы.

— Здравствуйте, — негромко и нерешительно, так, чтобы, если что, никто не услышал, сказал доктор Канин.

Монах ничего не сказал, только кивнул.

— Добрый день, — сказал парень, — мне отсюда позвонили, попросили заехать...

— А вы — кто? — спросил монах.

— Моя фамилия Постышев, я следователь, из района, — парень вынул из нагрудного кармана красное удостоверение и хлопнул им перед лицом у монаха.

— Значит, сказали уже отцу-настоятелю...

— Вообще-то сначала позвонили в полицию, а уж потом мне из дежурной части... Меня вообще здесь быть не должно, меня с трупа из района выдернули. Ладно, давайте пообщаемся с вами, — он посмотрел на Канина.

— Будете меня допрашивать?

— Не допрашивать, а опрашивать, — менторским тоном произнес Постышев, извлекая из портфеля планшет и бланки. — Пока уголовное дело не возбуждено, никаких следственных действий не проводится, допросов в том числе. Это пока только объяснения.

— Вы понимаете, я не из этого города... И вряд ли скоро сюда приеду. Может, лучше без этого, а то как вы меня искать потом будете?

— Ничего страшного, второй раз вас дергать никто не станет. Вы же, наверное, сами понимаете, что никакого дела здесь не будет.

Опрос происходил там же, на крыльце. Постышев стряхнул перчаткой снег с балюстрады и, опершись на нее, начал заполнять бланк.

— Ваша фамилия, имя, отчество?

— Канин Евгений Викторович.

— Дата рождения?

— Двенадцатое июня тысяча девятьсот шестьдесят ***-го года.

— Место рождения?..

— Все верно записано?

— Да, все верно вроде...

— Тогда вот здесь напишите: «С моих слов записано верно, мною прочитано» и распишитесь, только дату не ставьте. Вот, возьмите ручку.

— С моих слов... верно... прочитано, — Канин с удовлетворением взглянул на свою размашистую, с претензией на начальственность, подпись, и вдруг понял, что хочет засмеяться.

— Что с вами?

— Да нет, ничего, анекдот смешной вспомнил...

— Понятно... И я все-таки не понимаю: как так вышло, что вы с ним разговаривали и даже имя не узнали?

— Да даже и не знаю, — честно ответил доктор Канин, — как-то необходимости в этом не было...

— Да, вам еще повезло... Человек в прелести, вы с ним говорили... Такие персонажи иной раз даже и не разговаривают...

— Где человек?

— Тут, Евгений Викторович, не «где», тут, скорее, «как»... Когда говорят «в прелести» — это что-то вроде православного сленга. Значит, что человек верующий

до такой степени, что, кроме веры, его вообще ничего не интересует. Страшное дело, скажу я вам...

— А вы-то откуда все это знаете?

— В нашем районе поработаешь — и не такое узнаешь, — невесело усмехнулся Постышев.

— Скажите, а дальше-то что будет?

— Дальше? Дальше будет проверка, будем искать, не было ли у кого умысла на убийство, не отравил ли кто... Но вообще туфта все это, если честно. Меня лично вообще здесь быть не должно. По-хорошему, такие вещи участковый должен отрабатывать, вон он, кстати, в церкви, протокол ОМП пишет... Тут теперь одна проблема — имя узнать. Документов-то у него при себе не было, оставил, видать, где-то. Эти ж паломники, они же по всяким скитам останавливаются или еще где-нибудь в подобных местах. А скитов этих по окрестным деревням...

— А сами-то вы что думаете по этому поводу?

— Да ничего пока не думаю... Я ж с ним не беседовал. По-дурачки как-то все это. Вот уж правда, заставь дурака Богу молиться... Здесь, помнится, были случаи, когда люди в голодные обмороки падали. Но чтобы так...

Канин хотел спросить что-нибудь еще на эту же тему, но спросил совсем о другом:

— Как теперь мне выбираться-то отсюда в город?

— Да никак, на такси только. Или, может, к паломникам в автобус впишетесь. Но это вряд ли, у них там все битком. А вообще, знаете что? Если подождете, хотите, я вас довезу? Мне в Хлебниково потом, все равно через город ехать. Только с монахом с этим тоже надо поговорить сначала. Но это недолго.

— Хорошо, я подожду.

Постышев и монах, и вправду, недолго разговаривали, не больше десяти минут. Потом следователь зашел в церковь, надо думать, забрать протокол, а выйдя, пошел заводить машину. Канин последовал за ним.

Ехали быстро, ехали молча. До гостиницы Постышев Канина не довез (ему надо было ехать в другую сторону) и высадил в паре кварталов от нее.

Но в гостиницу доктор Канин сразу и не пошел. Он решил дойти до больницы, благо, было недалеко. Зачем? Нет, не проведать (да и не пустят к такому больному), а, скорее, просто узнать, что да как. А может, еще и просто прогуляться. Вечер был теплый, приятный.

В больнице его визиту несколько удивились. Зато доктор Канин ничего нового для себя не узнал. Да, доставлен, осмотрен, в экстренном порядке взят в операционную, скоро, наверное, уже закончат.

...Сидя у входа в оперблок доктор Канин подумал, что так глупо он себя, наверное, никогда не чувствовал. Что он спросит у хирурга? Как прошла операция? Будет ли жить? Ерунда, ей-богу, ерунда...

...«Скоро» растянулось на добрых полтора часа. Когда же двери наконец открылись и хирург вышел в коридор, доктор Канин подскочил со скамейки, где сидел, потому что, как ему показалось, он понял, о чем он хочет его спросить...

Но тотчас же сел на место, потому что по одному угрюмо-усталому выражению лица, показавшемуся из-под снятой маски, доктор Канин понял, что уже все кончено.

Доктор Канин шел в гостиницу. Если бы у него в тот момент спросили, о чем он думал, он бы, вероятно, ничего не ответил. Вместо мыслей в голове была какая-то несуразица, каша. Пост. Молитва. Страстная пятница. Молитва. Служба. Тишина. Нечистый. Нечистый?.. Шум. Опять тишина. Облака. Небо. Снова тишина. А потом пришла и вовсе странная мысль: что все те люди,

которые были там, в церкви, будут помнить об этом случае? О чем расскажут знакомым?

И лишь час или два спустя, в номере, его посетила очень простая, но оттого не менее удивительная мысль — окажись вдруг он когда-нибудь на месте этого человека и уйди тогда со службы — ему было бы очень стыдно. Доктор Канин поморщился от осознания этого явно неудобного факта, рука потянулась в карман брюк, за давно не существующими там сигаретами, а когда сигарет не нашлось, ноги сами, как-то против его воли, встали и подвели к окну.

Солнце садилось в тучу. Над тучей плыли все те же перистые облака, только окрашенные в багряный оттенок.

...Хоронили на другой день, в Великую субботу (ибо на Пасху хоронить никого нельзя), под вечер. Хоронили у самого дальнего угла городского кладбища, у самой железной дороги, среди безымянных могил.

Подморозило. Снег, черный апрельский снег, на ярком солнце снова блестел, как зимой, и неприятно похрустывал под переминающимися от долгого стояния ногами.

Панихиду служил иеромонах Анастасий, в ризе и епитрахили. Доктор Канин молча стоял за его спиной и слушал. Рядом с ним, плечом к плечу, стоял Постышев и тоже молчал. Еще где-то в стороне курили двое могильщиков, и больше на кладбище никого не было.

В какой-то момент следователь, который был повыше ростом, наклонился к Канину и доверительным тоном прошептал:

— Ну, вот и все. Исследование, слава Богу, быстро сделали, почему я и решил его хоронить. Теперь уже все.

— Вы думаете? — таким же шепотом ответил Канин.

— Конечно. А что теперь? Где он остановился, будем искать, но это уже мелочи.

— Вы так к этому относитесь? Вам его хотя бы жалко?

Постышев отрицательно покачал головой.

— Конечно, не по-людски все как-то вышло, кто же спорит. Но так... Знаете, сколько каждый год безымянными умирает?.. Всех не пожалеешь, — и после некоторой паузы повторил: — Всех не пожалеешь. Да и потом, что здесь не так? Он похоронен с миром, как положено. Он наверняка бы сам этого хотел — почти как Христос, опять же, в Великую субботу. Тем более вот, — Постышев кивнул на иеромонаха Анастасия, — он благословение у настоятеля спрашивал на панихиду, он мне так сказал.

— Да, наверное, вы правы. Только все равно, нельзя так, не должно быть так. Ну, какой он «нечистый», или как это теперь будут вспоминать? Бред же это все, все же не так...

— Хм, нечистый? — Постышев странно улыбнулся и, немного помолчав, добавил: — Хорошо сказано.

...Солнце уже клонилось к закату. Где-то вдалеке гомонили птицы. И в небо поднималось торжественное и заунывное:

— Вечная память, вечная память, вечная память!..

